

Иван Леонтьевич Щеглов

**У отца Иоанна
Кронштадтского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ33

Щ33 **Щеглов И.**
У отца Иоанна Кронштадтского / Иван Леонтьевич Щеглов – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 43 с.

ISBN 978-5-521-38822-6

ISBN 978-5-521-38822-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свѣтъ на станцію, и вмѣстѣ съ тысячной толпой ждетъ не дождется поѣзда. Поѣздъ наконецъ подошелъ. Отецъ Іоаннъ вышелъ изъ вагона на дебаркадеръ и, проходя въ комнату начальника станціи, по пути наскоро благословляетъ тѣснящійся около народъ. Благословилъ онъ и Ѳедора въ числѣ другихъ, тоже мимоходомъ, наскоро. Только, какъ бы вы думали, что проговорилъ опъ, проходя мимо него?

— Ну-те? слышались нетерпѣливые голоса.

— Благословляю тебя, рабъ Ѳедоръ... Отчего ты *Ксеніи* не взялъ съ собой?..

На этотъ разъ впечатлѣніе на всѣхъ было ошеломляющее, и, если бы не начавшій накрапывать дождикъ, по-немногу разогнавшій слушателей, бесѣда, вѣроятно, приняла бы еще болѣе интересный оборотъ. Въ числѣ прочихъ поспѣшилъ укрыться въ каюту и я.

Въ жизни трогательное и комическое сплошь идетъ рука-объ-руку. И въ низенькой каютѣ, гдѣ помѣщался буфетъ и гдѣ было безбожно накурено, я натолкнулся на такую сцену: за столикомъ около буфета чайничала дружная купеческая компанія—благобразный старикъ съ сѣдой окладистой бородой и двое безбородыхъ, обнаруживавшихъ къ первому очевидное вниманіе и почтительность. Тутъ же, возлѣ, на диванчикѣ, расположилась съ цѣлымъ ворохомъ какихъ-то нескладныхъ пакетовъ барыня, уже не молодая, но очень подвижная и въ очень смѣшной малиновой бархатной шляпкѣ съ рембрантовскими полями; сосѣдкой этой барыни приходилась другая—небольшая, толстенъкая, въ рпсе-пез, и съ худосочнымъ шестилѣтнимъ сыномъ въ матросской шапочкѣ съ надписью на околышѣ „Маренго“. Далѣе за дамой съ матросикомъ помѣщалась очень сосредоточенная и блѣдная барышня съ мужской прической и папкой съ ярлычкомъ „musique“. Всѣ три, повидимому, только что между собой перезнакомились и обмѣнивались первыми церемонными фразами. Изъ этого бѣлаго обмѣна мнѣ, однако, удалось узнать о барыни въ малиновой шляпкѣ три очень важные вещи: что малиновая шляпка куплена у *Ля Птитъ Жаннетъ* въ Пассажѣ, что барыня хочетъ разойтись съ мужемъ и ѣдетъ посоветоваться съ отцомъ Іоанномъ, но что она ѣдетъ въ Кронштадтъ въ первый разъ и рѣшительно не знаетъ, что съ ней тамъ произойдетъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не „кронштадтскіе“? обрати-

лась она вдругъ къ сѣдобородому купцу, дувшему на блюдечко съ чаемъ.

— Такъ точно-съ, мы кронштадтскіе! не отрываясь отъ блюдечка, процѣдилъ купецъ.

Барыня вся какъ-то радостно затрепыхалась.

— Вотъ какъ это мило! Значить, вы мнѣ скажете, что мнѣ сдѣлать, чтобы повидать отца Іоанна?.. А то я въ ужасномъ положеніи: ѣду въ первый разъ и положительно не знаю, гдѣ и какъ...

— Батюшка-съ нынче очень заняты и повидать ихъ довольно затруднительно, отозвался одинъ изъ безбородыхъ.—Самое лучшее, ежели бы вы пожаловали прямо къ заутренѣ, тогда уже навѣрное сподобитесь повидать...

Лицо барыни разочарованно вытянулось.

— Какъ же это такъ „у заутрени“? произнесла она упавшимъ голосомъ.—Но это невозможно, не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть въ Кронштадтѣ до Пасхи?

Безбородые купчики тихо фыркнули, но старикъ-купецъ оказался человѣкомъ снисходительнымъ и словоохотливымъ и обязательно пояснилъ встревоженной барынѣ, что въ православномъ богослуженіи утренняя совершается каждый день передъ обѣдней. Лицо дамы такъ же быстро просіяло, какъ сначала быстро опечалилось.

— Ахъ какъ это удобно, что у васъ въ Кронштадтѣ это каждый день. Это въ высшей степени удобно... Вообще, насколько я слыхала, отецъ Іоаннъ положительно святая личность! А чудеса, говорятъ, онъ совершаетъ такіа, что просто уму непостижимо... Вѣдь это, господа, правда? заключила она, томно прищурившись, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности.

Старикъ-купецъ даже усмѣхнулся.

— Помилюйте, мадамъ, какъ же неправда, когда еще третьяго дня батюшка исцѣлилъ своей молитвой дочь аптекаря изъ Ревеля... Да вотъ-съ, кивнулъ онъ на одного изъ безбородыхъ купчиковъ,—Андрей Тихонычъ знаютъ всю исторію въ подробности.

„Андрей Тихонычъ“ взмахнулъ своими намасленными кудрями и разсыпался передъ барыней въ самыхъ обходительныхъ подробностяхъ.

И опять, и еще опять пошли съ разныхъ сторонъ рассказы про чудесныя дѣянія отца Іоанна: какъ онъ исцѣлилъ однимъ своимъ благословеніемъ ремесленника Б.,

страдавшаго буйнымъ помѣшательствомъ; какъ учительница Д. мгновенно излѣчилась отъ нестерпимыхъ головныхъ болей, откорымъ была постоянно подвержена, когда однажды о. Іоаннъ, пробираясь сквозь толпу на молебень, мимоходомъ потрепалъ ее по головѣ; какъ жена одного механика, въ Архангельскѣ, удрученная крайней слабостью зрѣнія, обратилась къ батюшкиной молитвѣ и какъ, вслѣдъ затѣмъ, она случайно разбила свои единственные очки, по уже стала такъ хорошо видѣть, что новыя не пришлось заводить вовсе; или какъ одна вѣмкак-кондитерша, прикованная къ постели какой-то неизлѣчимой женской болѣзью, послала въ Кронштадтъ одну свою знакомую къ о. Іоанну съ просьбой помолиться о ней, какъ тотъ въ 3 часа пополудни помолился о ней и знакомая, вернувшись, узнала, что больная ровно въ 3 часа пополудни поднялась съ постели, почувствовавъ совершенное облегченіе, и т. д., и т. д.

Завязавшаяся бесѣда естественнымъ образомъ привлекла многочисленныхъ слушателей,—вѣрующихъ и невѣрующихъ, жаждущихъ живаго слова и просто ищущихъ какъ-нибудь убить время полторачасоваго путешествія. Мое вниманіе невольно приковывала къ себѣ одна женская фигура, укутанная съ головой въ черный платокъ и полулежавшая въ темномъ углу, на задней скамьѣ; изъ-подъ платка, обрамлявшаго безкровное и истомленное лицо, сверкали лихорадочнымъ блескомъ страстной вѣры—два черные, напряженно-расширенные глаза... О, эта прямо ждала *чуда* и очевидно цѣплялась за слышанное, какъ за свое послѣднее утѣшеніе!.. Какими смѣшными и жалкими показались мнѣ, въ сравненіи съ этой скорбно-молчаливой женщиной, интеллигентная мамаша съ младенцемъ „Маренго“, барышня съ напкой-musique и барыня, никогда не бывавшая у заутрени. Все время душеспасительной бесѣды, всѣ трое какъ-то умильно-снисходительно переглядывались и соболѣзнующе никли головами, какъ бы желая тѣмъ сказать другъ другу: „Mon Dieu, сколько еще предразсудковъ сидитъ въ русскомъ народѣ!“

Старозавѣтному купцу эта мимика очевидно не понравилась и, когда въ бесѣдѣ наступилъ нѣкоторый перерывъ, онъ пытливо оглянулъ интеллигентную мамашу съ худосочнымъ младенцемъ и спросилъ:

— Небось, съ мальченкомъ тоже „къ батюшкѣ“ ѣдете?

Интеллигентная мамаша чуть было не сконфузилась, но совладѣла съ собой и небрежно отвѣтила:

— Да, къ Іоанну Сергіеву. У моего сына завелась въ ухѣ какая-то гадость, которую доктора никакъ понять не могутъ! Она слегка пожала плечами и самодовольно заключила:—Разумѣется, *какъ мать*, я должна испробовать всѣ средства!

Старикъ чуть замѣтно усмѣхнулся и, погладивъ свою длинную бороду, снова уставился на даму:

— А сами, поди, въ чудодѣйственную силу отца Іоанна не вѣрите?

Очевидно, предполагая, что вопросъ теперь становится на научную почву, интеллигентная мамаша озабоченно вытерла свое *pinse-nez*, опять одѣла его и глубокомысленно протянула:

— Какъ вамъ сказать... Я такъ полагаю, что это вѣрный всего сила гипнотизма! А что, какъ вы говорите, исцѣленья совершаются даже въ другихъ городахъ черезъ письменныя просьбы,—то тутъ тоже пѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, согласно послѣднимъ научнымъ выводамъ, сила гипнотизма можетъ передаваться на самыя дальнія разстоянія!

Неизвѣстно, что бы отвѣтилъ на такую аргументацію старый купецъ, но въ дѣло вмѣшалась барыня въ малиновомъ рембрантѣ, и тотъ только грузно вздохнулъ.

— Дорогая моя, заплѣла она, обращаясь къ матери „Маренго“,—я никакъ не могу согласиться съ вами, что это гипнотизмъ... Тутъ явный спиритизмъ! Вашъ этотъ Сергіевъ—просто выдающійся медиумъ!

Оба безбородые купчики покраснѣли, какъ вареные раки, и воззрились вопросительно на старика, что онъ скажетъ. Но тотъ молчалъ и только какъ-то непріязненно отдувался, ероша свою бороду. Гордіевъ узелъ взялась разрубить сосредоточенная барышня съ „*musique*“: она какъ-то иронично сжала губы и авторитетно процѣдила:

— Mesdames, вы обѣ крупно ошибаетесь!.. Тутъ и не гипнотизмъ, и не спиритизмъ, а обыкновеннѣйшій животный магнетизмъ! Студентъ Еремѣевъ, мой лучшій другъ, однажды присутствовалъ на сеансѣ о. Іоанна и видѣлъ своими глазами, какъ тотъ дѣлалъ надъ больной „*пассы*“!

Старикъ-купецъ смѣрилъ негодующимъ взглядомъ по-другу студента Еремѣева и, насколько я его понималъ, очень

былъ расположенъ плюнуть ей прямо въ глаза; но онъ лишь круто отвернулся отъ женской интеллигенціи и обратился къ своимъ спутникамъ съ такою рѣчью:

— Какъ вы разсуждаете, братцы мои, можно убѣдить невѣрующаго человѣка, али нѣтъ?

— Какъ вамъ сказать, Иванъ Кузьмичъ, замаялся одинъ изъ молодцовъ, — конечно, которые ежели заматерѣлые въ своемъ заблужденіи, такъ оно, дѣйствительно.

— Вотъ то-то „заматерѣлые!“ Старикъ покосился въ сторону „интеллигенціи“, откашлянулся и продолжалъ: — На этотъ самый счетъ, очень даже любопытный примѣръ разсказывалъ мнѣ покойный отецъ Василій, вотъ что еще діакономъ былъ у Митрофанія...

Молодцы весело кивнули въ знакъ своего добраго знакомства съ о. Василіемъ.

— Приѣзжаетъ это, значитъ, архіерей въ училище на экзаментъ... Вызываетъ, между прочимъ, одного остолопа, самого что ни на есть великовозрастнаго. То да се—ничего, малецъ отвѣчаетъ какъ по-писаному. Наконецъ спрашиваетъ: „А скажи мнѣ, говорить, что такое *чудо*?“ Тотъ это нахохлился, уперъ глаза въ землю и молчитъ. „Затрудняешься объяснить, сынъ мой?“ — „Затрудняюсь, ваше преосвященство“. — „Ну, а вотъ представь ты себѣ, что я, архіерей, взошелъ на вашу соборную колокольню, да, оступившись, полетѣлъ внизъ головой, — и вдругъ живъ остался... Чудо это по-твоему или нѣтъ?“ — „*Случай*, ваше преосвященство“, отвѣчаетъ тотъ. Архіерей видитъ, что парень маловѣренъ, и говоритъ: „Ну, а ежели, говорить, я во второй разъ такимъ манеромъ, съ такой бы высоты низвергся и все-таки цѣлъ и невредимъ очутился, — какъ это надо понимать?“ — „*Счастье*, говорить, ваше преосвященство“. Архіерея даже зло взяло. „Ну, такъ вотъ я тебѣ скажу: влѣзь это я на колокольню въ третій разъ, и опять чебурахъ въ самый низъ... и опять живѣхонекъ! Что же это, наконецъ, по-твоему будетъ?“ — „*Привычка*, ваше преосвященство...“

Слушатели, сидѣвшіе поблизости, такъ и покатались со смѣху. Одна женская интеллигенція находилась въ справедливомъ недоумѣніи, — смѣяться ей вмѣстѣ со всѣми или подождать.

— То-то и есть, — *такихъ* не убѣдишь! внушительно заключилъ купчина, и оглядѣлъ „интеллигенцію“ съ нескрываемымъ злорадствомъ.

Въ толпѣ слышался новый смѣхъ, уже по прямому адресу маловѣрныхъ дамъ. Дамы смѣшались, бросились усиленно рыться въ своихъ мѣшечкахъ и рѣшительно не знали, что предпринять. Но на ихъ счастье, въ каютѣ вдругъ поднялась общая суета, и съ лѣстницы, ведущей на палубу, донесся тотъ смѣшанный гулъ, который обыкновенно предшествуетъ близкой высадкѣ. Я заглянулъ въ окно каюты: мы подходили къ кронштадтской пристани.

II.

На пристани, среди путаницы подѣзжавшихъ и отѣзжавшихъ дрожекъ, благодушно дремали два пузатыхъ дилижанса, въ родѣ нашихъ, такъ-называемыхъ, „кукушекъ“, которыя ходятъ на Петербургскую Сторону и къ Покрову. Одна изъ этихъ „кукушекъ“ направлялась къ Андреевскому собору, т. е. мѣсту служенія отца Іоанна и, слѣдовательно, къ конечной цѣли моего путешествія.

Я уже былъ предупрежденъ, что на самой Соборной площади прибытіе дилижанса всегда поджидается содержательницами временныхъ меблированныхъ убѣжищъ, которыхъ, здѣсь не одинъ десятокъ и которые, разумѣется, существуютъ исключительно именемъ отца Іоанна.

Въ „кукушкѣ“, мнѣ не безъ труда отыскалось одно мѣсто и черезъ какія нибудь четверть часа, дилижансъ остановился на Соборной площади. Выглянувъ на свѣтъ Божій, я увидѣлъ пять-шесть женщинъ въ темныхъ платкахъ, суетливо высматривавшихъ постояльцевъ между выѣзжавшими пассажирами. Болѣе другихъ внушила мнѣ довѣріе одна небольшая сухощавая женщина, вся въ черномъ и съ чернымъ платкомъ на головѣ, издали совсѣмъ похожая на монашку. Особа эта улыбалась такъ умильно, почтительно и съ такой трогательной ласковостью убѣждала меня не сомнѣваться въ людяхъ и остановиться въ сосѣднемъ переулкѣ у Матрены Марковны Снегиревой, что я вручилъ ей свой дорожный сакъ и покорно послѣдовалъ по адресу. Оказалось, что монашку зовутъ „Федосіей Минаевной“, что она потерпѣла въ жизни какое-то крушеніе, долго скиталась по монастырямъ и святымъ угодникамъ, а теперь околачивается около г-жи Снегиревой, пробавляясь мелкими услугами кронштадтскимъ паломникамъ.

Въ настоящемъ случаѣ услуга ея была неоцнима: жи-

лице г-жи Снегиревой находилось въ двухъ шагахъ отъ Андреевскаго собора, отведенная мнѣ комнатка отличалась уютностью и чистотой и, вдобавокъ, изъ ея единственнаго окна въ угловомъ двухъ-этажномъ домѣ можно было разглядѣть вверху два занавѣшанныхъ оконца, отъбѣжавшихъ собой скромную квартиру отца Іоанна.

Что до г-жи Снегиревой (за точность ея фамиліи, впрочемъ, не ручаюсь), то она выходила госпожей лишь въ соображеніи Ѳедосіи Минаевны; въ натурѣ-же это была наипростѣйшая русская баба—очень толстая, очень простодушная и очень разговорчивая. Первымъ дѣломъ Матрена Марковна предложила мнѣ обогрѣться чайкомъ, и пока Ѳедосія Минаевна ставила самоваръ, она подѣла къ моему чайному столу и словоохотливо повѣдала мнѣ всю свою бабью біографію: какъ она спачала была торговкой на Сытномъ рынкѣ, и какъ она была круглолица и бѣлолица, и какъ за ней вязалось проклятое солдаты, и какъ она чуть вовсе свою душеньку не загубила, не случись ей заболѣть и съѣздить къ „батюшкѣ“. „И вотъ“, заключила она, слегка всплакнувъ: „какъ походила я это около батюшки — омерзѣла мнѣ суета, силъ моихъ больше не стало около лотка выставлять да разныя срамности отъ покупателейъ выслушивать. Сейчасъ, значить, торговлю я поприкончила и порѣшила сдѣлаться батюшкиной овцой!“

Хотя очевидно было, что сдѣлаться „батюшкиной овцой“ не лишено было нѣкоторой выгоды, но по тону ея разсказа нельзя было не видѣть, что внутренній переворотъ, произведенный въ ней словомъ отца Іоанна, былъ рѣшительный и благодѣтельный. Ежели вы помните у Достоевскаго въ его „Братьяхъ Карамазовыхъ“ главу о *Впьющихъ бабахъ*, притекавшихъ съ разныхъ сторонъ къ старцу Зосимѣ, то мнѣ останется добавить, что картина въ своей сущности мало видоизмѣнится отъ замѣны отца Зосимы отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ. Матрена Марковна, Ѳедосія Минаевна и многія другія имъ подобныя, жившія, дышавшія и промышлявшія единственно во имя дорогаго имъ „батюшки“—были именно эти самыя *впьющія бабы*, не лишенныя конечно своихъ бабьихъ слабостей, но сохранявшія про себя великій секретъ глубокой и самоотверженной вѣры.

Отведенная мнѣ комнатка — узенькая, въ одно окно,

загроможденная съ одной стороны складной кроватью, а съ другой расписнымъ сундукомъ — напоминала собой не то монашескую келью, не то старокупеческую модельню: въ углахъ, на стѣнахъ, въ простѣпкахъ — образа, образки, картины религіознаго содержанія, фотографіи отца Іоанна и портреты разныхъ духовныхъ лицъ. Образами занятъ былъ весь уголъ по лѣвую сторону окна, образами-же изукрашенъ былъ и весь правый. Этотъ правый уголъ превращенъ былъ усердіемъ хозяйки въ пеструю и нарядную божницу, съ сверкающей серебряной ризой большой иконой Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ посреди, повитой вѣнкомъ изъ искусственныхъ розъ и увѣшанной крестиками и образками на шелковыхъ ленточкахъ. По сторонамъ, въ болѣе дешевыхъ окладахъ, благодушно выглядывали лики Святыхъ Угодниковъ — Тихона Задонскаго, Митрофана Воронежскаго, Сергія Радонежскаго и Николая Чудотворца. Передъ образомъ Божіей Матери теплилась лампада, а сама божница завершалась просторнымъ угольникомъ, накрытымъ чистой скатертью и очевидно приспособленнымъ для совершенія молебновъ: тутъ находилась миска съ водой, серебряный „тройникъ“, т. е. подсвѣчникъ съ тремя свѣчами на манеръ архіерейскаго трикирія, просфора, выпутая за сегоднешней обѣдней, листки съ поминаніями и т. д. Изъ другихъ священныхъ изображеній мнѣ особенно запечатлѣлись въ памяти: усѣкповенная глава Великомученицы Варвары — лубочная олеографія, висѣвшая надъ постелью; небольшая гравюра, на стѣнѣ напротивъ, представлявшая многоизвѣстнаго старца Серафима Саровскаго на одрѣ болѣзни, и стоявшій въ лѣвомъ углу на полочкѣ деревянный образъ Іоанна Предтечи — съ выразительными аскетическими чертами, со свиткомъ въ рукѣ и съ золотистыми орлиными крыльями за спиной — видимый образчикъ строгаго стариннаго письма. Заглянулъ я въ полуотворенную дверь сосѣдней комнаты — и тамъ все то же: божницы въ углахъ, священныя картины по стѣнамъ, фотографіи отца Іоанна. Въ первой комнатѣ, мимо которой я проходилъ черезъ кухню въ свое помѣщеніе, мнѣ также бросился въ углу, у окна, большой сверкающій кіотъ, украшенный вербами, вышитыми полотенцами и пасхальными яйцами.

Ну совсѣмъ вольный бабій монастырь!

Вскорѣ вернулась вольная настоятельница монастыря,

въ сопровожденіи своей вольной келейницы, несшей самоваръ—обѣ съ крайне неутѣшительнымъ для меня извѣстіемъ: что отецъ Іоаннъ служить всенощной въ Андреевскомъ соборѣ не будетъ, такъ какъ вызванъ телеграммой въ Петербургъ къ одной трудно больной и вернется не ранѣе часу пополудни: но, по обыкновенію, онъ будетъ служить раннюю обѣдню и, при особо счастливыхъ обстоятельствахъ, объѣзжать по городу страннопріимныя убѣжища.

И такъ, оставалось ждать и надѣяться.

Напившись чаю, я отправился въ прославленный Андреевскій соборъ. Всенощная шла своимъ обычнымъ порядкомъ: пѣвчіе пѣли исправно, священникъ служилъ благолѣпно, а діаконъ сохранялъ рѣдкое чувство мѣры при своихъ обширныхъ голосовыхъ средствахъ; но народу въ храмѣ было мало, и въ воздухѣ невольно чувствовалось какое-то напряженно-чинное, будничное настроеніе. Самый храмъ, въ отсутствіи своего вдохновеннаго пастыря выглядѣлъ сиротливымъ и какъ-бы покинутымъ...

По окончаніи службы, я направился обратно къ своему „монастырику“ и, проходя черезъ кухню, обратился съ просьбой къ хозяйкѣ и ея наперсницѣ, усердно хлопотавшимъ около плиты, дать мнѣ чего-нибудь поужинать. Моя просьба почему-то привела обѣихъ женщинъ въ крайнее замѣшательство, и, черезъ какихъ-нибудь пять минутъ, на порогѣ моей кельи появилась Ѳеодосія Минаевна съ особенно низкими поклонами и тонко-дипломатичнымъ выраженіемъ въ своей фізіономіи. Въ очень туманныхъ словахъ, сопровождаемыхъ постоянными извиненіями, она дала мнѣ понять, что плотно ужинать передъ завтрашнимъ днемъ будетъ не совсѣмъ удобно, такъ какъ „батюшка“ иногда въ концѣ обѣдни, ежели много пріѣзжихъ, предлагаетъ желающимъ „соединиться съ Богомъ“,—дѣлаетъ общую исповѣдь и затѣмъ причащаетъ Святыхъ Тайнъ.

Я поблагодарилъ смѣшавшуюся келейницу за доброе сообщеніе и удовольствовался на ночь порціей холоднаго чая и ломтемъ ситника. Кстати на окнѣ я отыскала неизвѣстную мнѣ дотолѣ книжицу „Описаніе празднованія 35-ти-лѣтняго юбилея отца Іоанна“—описаніе трогательное и поучительное, и погрузился въ чтеніе, изрѣдка прислушиваясь къ женскимъ голосамъ за дверью сосѣдней комнаты. По доходившимъ до меня отрывкамъ я могъ вы-

вести заключеніе, что сосѣдки-ночлежницы принадлежали къ простому классу и всѣ имѣли какія-то житейскія и душевныя затрудненія, для разрѣшенія которыхъ собственно и прибыли изъ разныхъ мѣстъ въ Кронштадтъ „къ батюшкѣ“.

Было уже довольно поздно, и, дочитывая послѣднюю страничку книги, я уже помышлялъ отправиться на бочковую, когда мои сосѣдки вдругъ затагнули дружнымъ хоромъ какую-то пѣсню. Вслушиваясь въ слова пѣсни, я сдѣлалъ совсѣмъ неожиданное и трогательное открытіе: оказалось, что распѣваемая пѣсня была не что иное, какъ вольное переложеніе на голоса стихотворенія, написаннаго ко дню юбилея отца Іоанна однимъ кронштадтскимъ нищим-ночлежникомъ и помѣщеннаго какъ разъ въ юбилейномъ сборникѣ, только-что мной пересмотрѣнномъ. Стихотвореніе представителя кронштадтскихъ нищихъ, отличавшееся крайней наивностью формы, но вылившееся отъ искренняго сердца, нашло очевидно свой полнѣйшій отзвукъ въ родственныхъ ему сердцахъ простаго люда. До сихъ поръ раздается въ моихъ ушахъ это стройное пѣснопѣніе, умиленно оглашавшее ночную тишину...

„Спѣшитъ къ тебѣ вельможа знатный,
Собрать ученія изъ глуши,
И всѣ-то ѣдутъ въ путь обратный,
Разсѣя мракъ своей души...
Скупецъ обратно ѣдетъ добрымъ,
Злодѣй—съ очнувшейся душой,
Упавшій духомъ—съ духомъ твердымъ,
Ты всѣмъ даешь души покой...“

И т. д.

Какую, подумаешь, надо носить въ сердцѣ восторженную преданность къ своему духовному пастырю, чтобы заучить наизусть этимъ полуграмотнымъ людямъ длинное, въ 60 строкъ, стихотвореніе и импровизировать такой согласный и прочувствованный хоръ!..

По окончаніи пѣнія юбилейныхъ стиховъ наступила небольшая, чинная пауза, и затѣмъ раздалось новое пѣніе: „Царю Небесный, Утѣшителю“... Затѣмъ опять чинная пауза—и новое повтореніе юбилейныхъ стиховъ. Послѣ ихъ повторенія послѣдовало общее шушуканіе, какъ будто сосѣдки о чемъ-то сговаривались, и затѣмъ я отчетливо разслышалъ, какъ всѣ разомъ опустились на колѣни и съ рѣдкимъ благоговѣніемъ пропѣли: „Милосердія двери